

А.В. ОБОЛОНСКИЙ

Чиновник как социальное зло (патологии бюрократического сознания)

Предмет статьи – фундаментальные патологии бюрократического сознания, моральная ущербность системы ценностей, присущих нашей бюрократической корпорации, представляющей в ее нынешнем состоянии реальное и опасное политическое зло. Бюрократическая психология рассматривается сквозь две взаимодополняющие “линзы”: личностные установки и стереотипы сознания. В числе первых анализируются кастовость, безразличие к социальному смыслу служебной деятельности, подмена общих интересов групповыми и личными, отношение к иерархии как к основополагающей ценности, ориентация на стабильность. К стереотипам относятся функционерское сознание, корпоративная этика, доминирование охранительных типов поведения, перенесение элементов своей служебной роли на собственную персону. Перечисленные черты не новы, в доказательство чего приводятся обширные цитаты из классической художественной, научной и мемуарной литературы. При этом автор полагает, что произошло злокачественное перерождение “нормальной” бюрократии в патологическую форму. Вопрос, возможно ли ее терапевтическое излечение без радикальных мер, он оставляет открытым.

Ключевые слова: бюрократия, чиновник, сознание, психология, корпоративизм.

DOI: 10.31857/S086904990003944-0

Будешь ты чиновник с виду

И подлец душой.

Н. Некрасов. Колыбельная песня.

Проблемы, поднимаемые в статье, заслуживают специального монографического исследования, может быть, даже не одного. Но, честно говоря, у меня нет для этого достаточно сильной личной научной мотивации. Фокус моих исследовательских интересов сместился последнее время к несколько иным вопросам. Поэтому прошу читателя рассматривать данную статью как некий итог многолетних размышлений о бюрократическом сознании, а также как своего рода научный “расчет” с этой тематикой, прощание с ней. К тому же я около 20 лет отдал попыткам улучшить “породу” отечественных чиновников. О результатах судить не мне. Сейчас же мне кажутся более важными как в научном, так и в просветительском отношении другие темы и проблемные области.

В процессе работы мне неоднократно вспоминались сентенции двух наших, пожалуй, самых проницательных мыслителей конца XIX – начала XX вв. – В. Ключевского и Б. Чичерина. Ключевский заметил, что *государству у нас служат худшие люди, а лучшие – лишь худшими своими свойствами*. Чичерин, характеризуя начало царствования Александра III, заметил: *правительство ясно показало, что оно не нуждается в порядочных людях*. Конечно, полностью проецировать эти высказывания на нашу современную государственную службу было бы не вполне корректно. Однако определенные аналогии напрашиваются.

Оболонский Александр Валентинович – доктор юридических наук, профессор Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20.

E-mail: abolonsky@hse.ru

Вообще проблематика теории бюрократии приобрела в последние десятилетия повышенную актуальность и политическую остроту. Многие из ее базовых, казавшихся незыблемыми, постулатов подвергаются критическому переосмыслению. Мир столкнулся с кризисом бюрократических форм правления. Кризисом и эффективности, и общественного доверия. Говорят даже о постбюрократическом мире как о возможном варианте будущего общества. Так или иначе, государственная служба в передовых странах сейчас переживает, возможно, самый сложный период, как минимум, за последний век. Серьезные поиски и эксперименты направлены на выработку ее новой модели, призванной в большей мере, чем веберовская классика, соответствовать потребностям сегодняшнего и завтрашнего дня, общественным требованиям и ожиданиям. Россия, к сожалению, и в данном отношении (как и во многих других) мало чем может похвастаться. Обо всем этом немало написано, в том числе – и автором этих строк.

Правда, было бы несправедливым сказать, что у нас в постсоветские времена в данном направлении совсем уж ничего не делалось. Это не так. И комиссии многочисленные работали, и законы в чем-то неплохие принимались, и денег на реформы госаппарата было потрачено, мягко говоря, немало. Но для общей максимально краткой оценки результатов всей этой реформаторской деятельности, думаю, хорошо подходит ленинская оценка в чем-то сходной ситуации начала 1920-х гг. из его практически последней работы “Лучше меньше, да лучше”: “Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны... Мы уже пять лет суетимся над улучшением нашего госаппарата, но это именно только суета, которая за пять лет доказала лишь свою непригодность или даже вредность... она давала нам видимость работы, на самом деле засоряя наши учреждения и наши мозги” [*Ленин* т. 45, с. 400]. Все же, думаю, реальная ситуация у нас сегодня получше, хотя и не намного.

Но в настоящей статье я не буду касаться вопросов реформ, а сосредоточусь лишь на тех моментах, которые обозначены в ее заголовке. Для нас они представляются критически важными, поскольку современная Россия превратилась в *полицейско-бюрократическое государство* в худшем смысле каждого из слов и с близкими к катастрофическим последствиями этого для общества. В классической философской парадигме оно ассоциируется с гоббсовским Левиафаном, а в современном художественном контексте – с фильмом А. Звягинцева под тем же зловещим названием – “Левиафан”.

События последних лет и месяцев полностью обнажили моральную ущербность, чтобы не сказать уродство, коллективного сознания и системы ценностей нашей бюрократической корпорации. А учитывая масштаб ее влияния на общественную жизнь, эта аномалия наносит неисчислимый ущерб нормальной жизни российского социума в самых разных ее областях. Отечественная бюрократия в ее нынешнем состоянии превратилась в реальное *политическое зло*. А, как заметил С. Каспэ, “зло токсично; проникновение его в один сегмент ставит под угрозу и все смежные” [*Каспэ* 2016, с. 88]. Более того, бюрократическое зло, в котором тесно переплелись и уже трудно разделимы его политическая и административная стороны¹, достигло, по моему мнению, зловещей стадии. Есть даже соблазн спроецировать на нашу бюрократию название пьесы Г. Ибсена “Враг общества”, если бы это не вывело нас за пределы научного формата.

Поэтому аналитическое описание *патологий феномена бюрократического сознания* критически важно не только в теоретическом, но и в сугубо практическом отношении. Если мы не сумеем принять эффективных мер по лечению от них отечественного общественного организма, то за исход трудно поручиться. Но чтобы лечение было успешным, ни заклинания, ни выборочные локальные кровопускания не помогут. А мы в

¹ В научном плане это связано с вопросом о соотношении и связях между политологией и наукой государственного управления. О том, что самоизоляция научных управленцев от политологов носит во многом искусственный характер и обусловлена такими факторами, как профессиональная неподготовленность вплоть до невежества (*ignorance*) первых и их боязнь затрагивать реальные политические пороки своих правительств, от которых они зачастую зависят материально и морально (см., например, [*Van de Walle, Brans* 2018; *Peters* 2018]).

данном случае, похоже, только начинаем выходить из этой средневековой стадии лекарского искусства.

Разумеется, бюрократия в точном смысле слова – отнюдь не синоним бюрократизма и к нему не сводится. Это достаточно хорошо известно. Я в данном случае отправляюсь от феномена имманентного перерождения одного в другое – относительно нормальной бюрократии в бюрократизм. И объект последующего разговора – именно он. Поэтому сначала напомним само понятие бюрократизма. Из немалого числа его определений для данного случая ограничусь тем, что дано в учебнике по государственной службе: *бюрократизм включает в себя следующие компоненты: в политическом плане – чрезмерное разрастание и безответственность исполнительной власти; в социальном – отчуждение этой власти от народа; в организационном – канцеляристскую подмену содержания формой; в морально-психологическом – бюрократическую деформацию сознания* [Государственная... 2009, с. 40].

Сам феномен бюрократизма многолик, многофакторен и связан мириадами нитей почти со всеми общественными институтами. Это целая проблемная область, изучение которой требует усилий обществоведов многих специальностей. В данном случае ограничимся психологическими и этическими аспектами **бюрократической личности**.

Бюрократическая психология

Попытаюсь обрисовать некоторые существенные черты сознания, психологии бюрократа, описать его как определенный личностный тип. Поскольку за деятельность бюрократических личностей нашему обществу сейчас приходится расплачиваться очень дорогой ценой, “узнаваемый” психологический портрет бюрократа представляет отнюдь не только академический интерес. Человек, как известно, во многом живет в мире своих субъективных, порой неадекватных, представлений об объективной реальности. В случае бюрократа это некоторые специфические черты морали и психологии, присущие государственным служащим, своего рода “корпоративная этика”, стимулирующая формирование определенных личностных качеств. На этой основе возникают и развиваются бюрократические деформации профессионального сознания служащих. Тому есть много причин: и пороки системы управления, и давление макро- и микросреды, и индивидуальные дефекты морального сознания у части работников. При этом наличие необходимых для работы деловых качеств отнюдь не компенсирует личную нечестность или непорядочность чиновника, а напротив, делает его более изощренным и потому более опасным. Коррупциогенная “изобретательность” российских бюрократов – ярчайшее тому подтверждение.

Коррупцию же я вообще отнес бы к числу особо опасных антигосударственных преступлений. В каком-то смысле она по своим социальным последствиям даже опаснее насильственных преступлений и грабежей, ибо насильник и грабитель действуют от своего лица, либо, максимум, от лица своей шайки, мафии. Коррупционер же прикрывается щитом государственных полномочий, да к тому же при нынешнем перекосе нашей правоохранительной системы защищен гораздо больше рядового гражданина. Поэтому его преступные действия бьют по престижу государства в целом, оказывают разрушительное воздействие на общественную, в том числе политическую, мораль.

Как известно, профессия накладывает на личность человека свой отпечаток. Особенно это относится к профессиям квалифицированным. Концепция “моральной идентичности” профессиональных групп, представление, что профессии создают свое собственное, специфическое моральное сознание, было выдвинуто еще Э. Дюркгеймом, отмечавшим, в частности: “Функциональное многообразие влечет многообразие моральное, которое ничем не может быть предотвращено” [Durkheim 1964, p. 361]. В контексте темы статьи уместно вспомнить знаменитое эссе М. Вебера “Политика как призвание и профессия”. Это в полной мере относится и к государственным служащим как социально-профессиональной группе, несущей специфические социально-психологические и этические черты. Понятия “чиновничье сознание”, “бюрократическая личность” наполнены

вполне конкретным содержанием, причем оно включает как негативные, так и некоторые позитивные особенности. Но в целом негативное восприятие бюрократического сознания в обществе явно преобладает. А сама государственная служба – особый мир, в котором обычные человеческие чувства нередко приобретают специфические, дефектные с точки зрения обычной человеческой морали, формы.

Вот как, например, воспринял этот мир один из наиболее одаренных отечественных администраторов эпохи Александра I, министр юстиции И. Дмитриев: “Со вступлением моим в гражданскую службу, я будто вступил в другой мир, совершенно для меня новый. Здесь и знакомства, и ласки основаны по большей части на расчетах своекорыстия; эгоизм господствует во всей силе; образ обхождения непрестанно изменяется, наравне с положением каждого. Товарищи не уступают кокеткам: каждый хочет исключительно прельстить своего начальника, хотя бы то было за счет другого. Нет искренности в ответах: ловят, помнят и передают каждое слово” (цит. по [Уортман 2004, с. 228–229]). Вероятно, эти суждения не свободны от некоторых крайностей, связанных с распространенным в то время среди просвещенных дворян духом возвышенного сентиментализма, который при столкновении с реальным миром порождает неизбежную сшибку. Однако в целом характер “канцелярского духа” схвачен довольно точно.

Перейдем теперь к другим особенностям и деформациям бюрократического сознания. Пожалуй, лучше всего черты бюрократической личности видны, если посмотреть на них через две взаимодополняющие “линзы” – установки сознания и его стереотипы.

На уровне **социальных установок личности** бюрократическому сознанию присущи следующие черты:

1. **Кастовость, чувство принадлежности к особенной статусной группе.** Вероятно, исторически это связано с антидемократическим характером наших государства и общества. Вспомним хотя бы лапидарную, как всегда, формулу А. Пушкина: “У нас не ум ума почитай, а чин чина почитай”. По причинам, неоднократно описанным применительно и к царскому, и к советскому периодам нашей истории, чинопочитание и роль чина в людском сознании всегда были непомерно велики.

Замечательное карикатурное описание этой социально-психологической аномалии, а также дошедших до стадии патологии нюансов отечественного чиновничьего сознания, сочетающего высокомерие с холопством, в его в сравнении с европейскими странами, есть в “Мертвых душах”: «Надобно сказать, что у нас на Руси если не угнались в чем другом за иностранцами, то далеко перегнали их в умении обращаться. Пересчитать нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения... Положим, например, существует канцелярия, не здесь, а в тридевятом государстве, а в канцелярии, положим, существует правитель канцелярии. Прошу посмотреть на него, когда он сидит среди своих подчиненных, – да просто от страха и слова не выговоришь! Гордость и благородство, и уж чего не выражает лицо его? Просто бери кисть да и рисуй: Прометей, решительный Прометей! Висматривает орлом, выступает плавно, мерно. Тот же самый орел, как только вышел из комнаты и приближается к кабинету своего начальника, куропаткой такой спешит с бумагами под мышкой, что мочи нет. В обществе и на вечеринке, будь все небольшого чина, Прометей так и останется Прометеем, а чуть немного повыше его, с Прометеем делается такое превращение, какого и Овидий не выдумает: муха, меньше даже мухи, уничтожается в песчинку! “Да это не Иван Петрович, – говоришь, глядя на него, – Иван Петрович выше ростом, а этот и низенький и худенький; тот говорит громко, басит и никогда не смеется, а этот черт знает что: пищит птицей и все смеется. Подходишь ближе, глядишь – точно Иван Петрович»» [Гоголь 1973, с. 184–185].

И если бы это относилось только к “проклятому прошлому”. Но нам ведь и сейчас навязывают новые варианты чиновничьей “особости”. Некоторые теоретизирующие “ученые приказчики” (в данном случае эта уничижительная ленинская кличка весьма подходит) пытаются легитимировать образ “сословного общества” применительно и к современной России. Для этого вводится понятие “административного ресурса”, причем не как формы злоупотребления должностными полномочиями, а как якобы имманентной для России нормы отношений (см. например, [Кордонский, Дехант, Моляренко 2012]).

Практики же выражают свои, по сути, те же чаяния попроче: госслужащие полюбили называть себя “новым дворянством”. Конечно, можно было бы оставить это пищей для сатириков, если бы не разрушительный моральный эффект подобных чиновничьих вербальных упражнений для молодого поколения. Я, увы, порой наблюдал его на своих студентах, желающих приобщиться к “привилегированному сословию”. Что, в общем, немудрено, если они слушают курсы лекций, например, под названиями: “Элита и рынки власти” или “Сословная структура современной России”. Особенно этим кичатся спецслужбисты. Разумеется, называться не опричниками или жандармами, а дворянами куда приятней. А доходящие порой до зловещего гротеска выплески подобного сознания мы, увы, наблюдаем, особенно в последнее время.

Вообще приобщение к власти, даже ограниченное или иллюзорное, порождает серьезные моральные искушения и содержит определенный потенциал для социально-психологической деформации личности. В некотором смысле это *тест на порядочность*. И далеко не все его проходят по естественным человеческим меркам. Мы сейчас столкнулись с этим в полной мере. Думаю, данный феномен заслуживает не столько морализаций, сколько серьезного научного анализа.

2. Безразличие к социальному смыслу, назначению и последствиям своей служебной деятельности. Оно проявляется в “переворачивании” проблемы формы и существа с приданием форме преувеличенного, а порой и самодовлеющего значения. Данное явление подробно изучается социологией организации. Впервые же его описал молодой К. Маркс, отметив, что бюрократия выдает “формальное за содержание, а содержание – за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи – в государственные” [Маркс 1955, с. 271]. Это, в частности, порождает и вызывающее у “нормальных” людей болезненное неприятие *бюрократического бездушия*. Э. Фромм писал в данной связи: “Как только человек сводится к простому номеру в каком-то списке, настоящие бюрократы могут совершать по отношению к нему самые жестокие поступки, и не потому, что ими движет жестокость... а потому, что они не испытывают никаких человеческих чувств по отношению к своим подопечным... их совестью является выполнение долга, люди как объекты сочувствия и сострадания для них не существуют” [Фромм 1990, с. 193].

Холодная *бесчеловечность* действий “государевых слуг” особенно драматически и жестоко проявляется в действиях наших так называемых правоохранительных органов (которые во многих случаях уместнее называть правонарушающими). В этическом же плане их действия порой представляют демонстративное попрание всех моральных норм, элементарных принципов порядочности. Это касается не только прямых “силови-ков”, но и инстанций, которые по своему основному назначению должны защищать права и свободы граждан, в том числе от их попрания силовиками. Я имею в виду суды.

Надо сказать, что это не исключительно российская проблема. И в других странах полиция порой проявляет избыточную, выходящую за рамки закона жесткость по отношению к гражданам, особенно во время протестных акций. Однако в странах реальной демократии и гуманитарной политической культуры суды сплошь и рядом набрасывают на них правовую “уздечку” с соответствующими последствиями. У нас же, как известно, суды в делах подобного рода самоограничились функцией псевдоюридического оформления неправовых в своей основе действий, являясь, в сущности, лишь завершающим звеном репрессивной системы. Видимо, имеет скрытый семантический смысл то, что в западных странах данная система называется не “силовой”, а *law enforcement system*, то есть принуждающей к соблюдению права (подробнее см. [Оболонский 2013]). За различием в словах стоят разные реалии.

В данной связи представляется очень важным существование у нас принципиально разных морально-психологических типов юристов. Их, как минимум, два. Одни служат воплощаемым в праве идеалам справедливости, что является главным атрибутом неформального кодекса чести подлинного юриста, другие – начальству, текущей конъюнктуре, своекорыстным карьерным и материальным интересам. Об этой типологии и последствиях отсеивания честных юристов от государственно-властных решений и замене их “чиновни-

ками от юриспруденции” точно написала Е. Лукьянова: “В моей стране много высокопрофессиональных независимых экспертов в области права. Но они, как правило, отстранены от принятия государственно-властных решений, потому что в течение 20 лет государство отбирало для себя таких юридических исполнителей, которые были ему удобны... В итоге сформировалось два юридических сообщества, которые говорят на совершенно разных языках и оперируют различными юридическими конструкциями” [Лукьянова 2014, с. 307]. Она довольно подробно описала морально-психологические установки “чиновников от юриспруденции” и губительные последствия их доминирования в важных правовых коллизиях. А мне вспомнилась ремарка Х. Арендт: “Гитлер, говоря, что он с нетерпением ждет, когда профессия юриста станет в Германии позорной, был очень последователен в своей мечте об идеальной бюрократии” [Арендт 2013, с. 94]. Понятие бюрократизированного юриста (или юридического бюрократа, порядок слов не суть важен), к несчастью, весьма применимо к нашей реальности.

Должен заметить, что в данной связи возникает желание отчасти переосмыслить толстовское негативное отношение к системе юстиции России конца XIX в. Роман “Воскресение” с описанием ее бесчеловечной несправедливости по отношению к Катюше Масловой вызвал острую критику и неприятие идеи якобы имманентной беззастенчивости человека, оказавшегося в руках “правовиков”, невозможности добиться справедливости в силу самой логики правоприменительной системы и функционирующих в ней людей. И в самом деле, человечество вроде не придумало ничего лучшего для защиты людей, чем механизмы обеспечения соблюдения по отношению к ним норм права. Однако с высоты опыта нашего столетия (а вернее сказать – из-под глыб советской карательной юстиции и сегодняшней циничной и безнаказанной правонарушающей полицейской и судебной практики) невольно думается: а может быть, Толстой был не так уж и неправ?!

3. Подмена (часто неосознаваемая, но от этого не менее опасная) общих, государственных интересов частными, ведомственными или корпоративными (аппаратными), а порой – и эгоистическими личными. Снова обратимся к Марксу, антибюрократическая критика которого очень точна, глубока и актуальна. Она во многом универсальна, хотя непосредственный объект его наблюдений был весьма ограниченным – прусская бюрократия первой половины XIX в. Маркс писал в связи с рассматриваемой установкой: “Бюрократия должна... защищать МНИМУЮ всеобщность особого интереса, корпоративный дух, чтобы спасти МНИМУЮ особенность всеобщего интереса, свой собственный дух” [Маркс 1955, с. 270]. На языке, более приближенном к реалиям госаппарата, это означает, как минимум, обуженное, зашоренное ведомственными и иными перегородками понимание чиновником государственного и общественного интереса, а то и сознательное возведение групповых интересов бюрократической прослойки в ранг интересов всеобщих. Очень часто мы также сталкиваемся с вполне сознательными, включая криминальные, подменами интересов. К сожалению, наша жизнь постоянно приносит все новые и весьма болезненные для общества примеры такого подчинения интересов общественных интересам групповым, в частности бюрократическим (хотя не исключительно) интересам, окопавшейся у власти верхушки, с полной потерей чувства самоиронии именующей себя “элитой”.

4. Отношение к служебной иерархии как к базовой и даже самодовлеющей ценности, а не как к фактору рациональной организации, что зачастую влияет не только на образ действий и конкретный выбор чиновником того или иного их варианта, исходя из принципа “что понравится начальнику”, но и на сам образ его мыслей, когда чиновник вольно или невольно старается думать и рассуждать, как бы имитируя логику своего начальника. Подобное *холопское сознание* порождает снятие с себя ответственности, готовность бездумно выполнять любые распоряжения вышестоящих, независимо от их законности, моральности и даже от личного к ним отношения. Думаю, приведение конкретных примеров излишне, ими полна информационная сфера.

5. Ориентация на стабильность как на базовую ценность под маркой консерватизма (хотя понятие “консерватизм” и содержит иной смысл). Это предполагает неизменность, устойчивость *status quo* вне зависимости от его адекватности актуальным, меняющимся

условиям, требованиям времени и максимальную подконтрольность каждого нижестоящего на лестнице должностей – вышестоящему, исключение всякого риска и неопределенности. Объективно такая ориентация служила и служит питательной средой для застоя, ибо любое развитие, особенно в современных условиях, невозможно без увеличения у исполнителя “степеней свободы”, без творчества и инициативы и, следовательно, без увеличения элементов неопределенности и риска.

В результате основанного на перечисленных чертах отбора и самоотбора выдвиженцев на высокие аппаратные посты приходят люди либо серые, безынициативные, либо успешно маскирующиеся под таковых “кивалы” (уничижительное наименование народных заседателей в советских судах). Люди с уровнем мышления и психологией начальника канцелярии достигают министерских, а то и более высоких кресел, определяя политику целых отраслей, а порой – и всей страны.

В этой связи еще раз обратимся к представляющим, по-моему, огромную историческую и аналитическую ценность свидетельствам высших государственных чинов императорской России. Они звучат пугающе актуально. Вот цитаты из дневника П. Валуева, министра внутренних дел в период Великих реформ, затем – члена Государственного совета, а в конце царствования Александра II – председателя Комитета министров, человека с широким кругозором и подлинно реформаторскими ориентациями. Он писал: “В обиходе административных дел государь самодержавен только по имени... но при усложнившемся механизме управления важнейшие государственные вопросы ускользают и должны по необходимости ускользать от непосредственного направления государя... Наше правление – министерская олигархия”. “У нас вся энергия правительства, к сожалению, расходуется на меры строгости или на разрушение прошлого. Создавать органическое мы не горазды”. “Система грубой силы и всякого рода принудительных мер проповедуется с успехом у трона”. “Припоминая то, что я сегодня видел и слышал, во мне остается впечатление чего-то цинического, совершенно недостойного государственной деятельности. Государь созвал мужей Совета. Он был прав. Он предложил им вопрос на обсуждение. Но что сказали они и как обсуживали они этот вопрос? Не как советники, но как приказчики. Не перед государем и для государя, а перед барином и для барина. К коим струнам человечески-монаршего сердца обращались они? Как всегда, к слабейшим и низшим, а не к благородным и возвышенным. Что проповедовали они? Ограничения, прощения, взыскания, безмолвие и боязнь. Ни в одном слове не выразилось сознание, что они, мужи Совета, чиноводержатели и звездonosцы, граждане государства, что они имеют первенство над другими, но и долг предстательства за других... Для них русский мир – фольга, русский люд – декорация, вся Россия только подножие для их призрачного величия”. “Власть рассматривается не как средство, но как цель или право, или имущество”. “Страшно то, что наше правительство не опирается ни на одном нравственном начале и не действует ни одною нравственною силою. Уважение к свободе совести, к личной свободе, к праву собственности нам совершенно чуждо. Мы только проповедуем нравственные темы, которые считаем для себя полезными, но несколько не стесняемся отступать от них на деле, коль скоро признаем это сколько-нибудь выгодным. Мы забираем храмы, конфискуем, ссылаем десятки тысяч людей, позволяем бранить изменою проявление человеческого чувства, душим, вместо того, чтобы управлять, и, рядом с этим, создаем магистратуру, гласный суд и свободу или полусвободу печати. Мы – смесь Тохтамышей с герцогами Альба, Иеремией Бентамом. Мы должны внушать чувство отвращения к нам всей Европе. И мы толкуем о величии России и о православии!”. [Александр II... 1995, с. 147, 191, 193, 199, 207, 211].

А вот наблюдения С. Витте, тогда еще (в 1878 г.) – начинающего молодого чиновника со свежим взглядом: “Что за скопище подобострастных глупцов представляет Зимний дворец!”. “Общественный, умственный, художественный уровень псевдостолычной петербургской жизни, под влиянием разных сил и, прежде всего, зимнедворцовой посредственности, постоянно понижается”. А применительно к реформам, в сущности, аналогичную оценку окружению царя дает и военный министр Д. Милютин: “Такая колоссальная работа (реформа государственного устройства. – *А.О.*) не по плечам теперешним нашим

государственным деятелям, которые не в состоянии подняться выше точки зрения полицейстера или даже городского” [Александр П... 1995, с. 302, 307, 325].

И это говорится об окружении, пожалуй, лучшего российского царя за всю историю, благодаря реформам которого страна имела наибольший шанс перейти на персонифицированный путь развития! Каково же тогда было окружение других наших венценосцев и более поздних лидеров. Б. Чичерин, например, описав кадровую политику Александра III в книге “Земство и Московская Дума”, сформулировал четкий вывод: *правительство ясно показало, что оно не нуждается в порядочных людях.*

Одно из следствий господства совокупности названных установок – внутренняя аппаратная шкала оценки чиновников, заметно расходящаяся с тем, что объективно требуется обществу от госаппарата. Ценятся (и, соответственно, продвигаются по лестнице служебной карьеры) не ищущие, инициативные и самостоятельные люди, от которых, как известно, можно ждать всяческого “беспокойства”, а прилежные и послушные исполнители, умеющие подладиться под любого начальника, не “высовывающиеся”, поддакивающие и полагающие педантичное следование правилам канцелярской рутины главной управленческой добродетелью. Подобно трудолюбивым паучкам, они стараются сплести любую идею и инициативу, угрожающую, по их мнению, заведенному бюрократическому “порядку”. Не отрицаю: порядок в делах, разумеется, необходим, и качества педанта очень ценны и даже незаменимы, особенно на технических должностях. Однако они отнюдь не достаточны (а зачастую и просто излишни) для занятия ответственных и тем более руководящих постов. Одна из драм нашего управления как раз была и состоит в том, что служебные карьеры, порой головокружительные, делают именно такие “паучки”. Положение усугубляется *негативным отбором и самоотбором* чиновников в процессе найма и карьерного продвижения.

В этом же контексте, как представляется, стоит рассмотреть проблему служебной и человеческой *репутации* чиновника. В аппаратных кругах она основана на внутренней бюрократической шкале ценностей, отличной от “нормальных” ценностей внешней по отношению к аппарату среды и с этих позиций предстает ложной, фальшивой.

Анализ бюрократа на уровне психологических установок личности позволяет увидеть, что такие атрибуты бюрократического поведения, как формализм, волокита, склонность к бумаготворчеству, бездушное отношение к людям и другие проявления канцеляризма, к которым обычно сводят бюрократизм в его дежурных изображениях, – отнюдь не определяющие его черты, а лишь вторичные, производные, симптоматические признаки. Можно также делить бюрократов на “откровенных угрюм-бурчеевых” и замаскированных внешним лоском приличных манер, “культурности”, псевдодоброжелательности, “деловитости” функционеров современного образца. Однако все это – не более, чем конкретные ситуативные и отчасти поколенческие вариации более общих стереотипов и деформаций бюрократического сознания, психологии бюрократа.

Стереотипы бюрократического сознания

1. **Функционерское сознание** предполагает отключение гражданских чувств и нравственных принципов при выполнении служебных обязанностей или даже их полную атрофию. В своих действиях подобный чинуша руководствуется лишь формальными указаниями и карьерными соображениями. Требования жизни, не укладывающиеся в инструкцию, не отражаются на его служебных действиях.

Вспоминается описание образа подобного функционера из советской философской литературы. Оно, думаю, ухватило суть: «Бюрократический “шеф” есть индивидуальное воплощение отчужденной силы безличного вещного порядка – “Дела”. Это как бы большая пружина, вращающая кабинетами, бумагой, машинистками и даже самим шефом. От человека тут только биология; на месте сознания – средоточие типовых решений и сведений. Он совершенно исчерпывается готовой вещной ролью, но именно поэтому неисчерпаемо самодоволен, самоуверен и оптимистичен в своей единственной возможной “правильности”» [Батищев 1969, с. 130–131].

Было бы, однако, неверным видеть за этим образом некое роботоподобное существо, живой автомат. Вне своих служебных ролей бюрократ отнюдь не чужд ничему человеческому. Но подобный разрыв служебного и личного, социального и индивидуального неизбежно ведет к духовному оскудению личности. Ведь в современном обществе большинство людей реализуют и развивают свою личность прежде всего в труде. Поэтому и за пределами служебных дел такой бюрократ-функционер часто оказывается довольно примитивной личностью, с потребностями, в основном направленными на потребительские блага и удовлетворение тщеславия посредством служебной карьеры.

При этом такой, по выражению Маркса, “частичный индивид” не только неполноценен нравственно, но по большому счету неэффективен и как работник, даже если добросовестно и напряженно трудится. Ведь его ограниченность неизбежно снижает и уровень понимания им своих задач, и смысла работы в целом. А учитывая меру социальной ответственности государственного служащего, ему, может быть, больше, чем кому-либо другому, необходимо гражданское самосознание. Но у функционера его нет, как говорится, “по определению”.

2. Бюрократическая корпоративная этика и психология включает ряд компонентов: бюрократический псевдоколлективизм, предполагающий растворение ответственности и своего рода “круговую поруку” аппарата; псевдоактивность (имитацию бурной деятельности) в сочетании с доведенной до совершенства техникой “спихивания” неприятных или невыгодных дел и забот; неприятие и отторжение (либо блокирование) как чужеродных элементов “возмутителей спокойствия” и вообще неординарных людей, могущих составить угрозу столь любезному сердцу бюрократа рутинному порядку вещей, раз и навсегда заведенному шаблону; стремление к келейному решению вопросов в рамках закрытых “кабинетных” процедур, к монополизации информации, порой переходящее даже в патологическую склонность к “самозасекречиванию” для придания себе ложной значительности и получения возможности для разного рода манипуляций; использование особых речевых клише, элементов некоего языка для “посвященных” (от пресловутых “есть мнение” и “нас не поймут” и до ярлыков типа “плохой товарищ”, “неуживчивый”, обозначающих человека, не склонного следовать внутренним правилам игры, как “упрямца”). Думается, многие мои коллеги, исходя из личного опыта, могут внести вклад в составление этого бюрократического “антисловаря”.

3. Доминирование ретроградно охранительных стереотипов поведения, таких как перестраховка (в том числе, под масками бдительности и добросовестности, основательности); склонность к отрыву от реальной жизни в пользу превращенных, канцелярских форм деятельности; предпочтение и даже ритуализация привычного порядка, боязнь перемен, особенно предполагающих сокращение сферы контроля над людьми и материальными ценностями, поскольку это ограничивает меру влияния. Причем бюрократический консерватизм прекрасно сочетается с показной гибкостью, способностью адаптироваться к разным ситуациям и политике. Мы неоднократно были свидетелями достаточно искусной социальной мимикрии массовых “бюрократических маскарадов” и во времена перестройки, и позже, когда те же брежневские чиновники вдруг начинали играть роли, в корне противоречащие тем, какие они разыгрывали всего лишь несколько лет (а то и недель или месяцев) назад.

Один из охранительных стереотипов – очковтирательство, приукрашивание истинного положения дел. При этом любопытно, что сопровождающий такие действия бюрократический “оптимизм” разрастается по мере продвижения вверх по административной лестнице: чем ближе к высшему начальству, тем радужнее рапорты. Правда, иногда в моду входит и “негативное очковтирательство”, когда выгодно изобразить положение дел в максимально катастрофическом свете, дабы получить дополнительные ресурсы либо скрыть собственные просчеты или доходы, и т.п.

4. Преувеличение своей служебной роли и неправомерное перенесение ее атрибутов на собственную персону, такое бюрократическое “барство” и хамство. Они присущи как начальственному – “сановному”, так и исполнительскому бюрократизму. Причем можно по-разному оценивать сравнительный вред от того и другого: у лица, занимающего от-

ветственный пост, есть разные возможности продемонстрировать свою значимость (в том числе и положительно разрешить не решенный никем другим вопрос), тогда как у мелкого бюрократа единственный способ заявить о себе – что-либо запретить. Ведь до тех пор, пока подобный “вахтер от бюрократии” ничему не препятствует, его никто не замечает либо относится к нему как к бесправному Акакию Акакиевичу. Если же он начинает артачиться и создавать другим трудности в работе, то сразу становится заметным. Он равнодушен к тому, что его не любят те, кому он мешает работать, что его “деятельность” идет во вред делу. Ведь главное для него – не дело, а возможность заявить о себе. Подобное явление можно назвать “синдромом вахтера”.

К этому же стереотипу относится и ложное сознание собственной незаменимости, на котором базируется, в частности, стремление любыми средствами сохранить свое “кресло”. При потере служебного положения оно обнаруживает себя утратой жизненных ориентиров, неспособностью найти новое место в жизни, а подчас – и психическими расстройствами, получившими у психиатров даже специальное название – “синдром детро-низации”.

Положение осложняется тем субъективным обстоятельством, что средний чиновник часто искренне считает себя “честным стражем порядка”, “блестителем государственных интересов” и т.п. Но при этом он понимает их очень узко, в лучшем случае – с ведомственных позиций, а то и с позиций интересов начальника своего подразделения или своих личных. Тут ему помогают так называемые “защитные механизмы сознания” – психологическая “цензура”, то есть отключение сознания от нежелательной информации, подмена одной информации другой, а также искаженная шкала социальных значений, сверяясь с которой он фактически расценивает себя не как слугу общества, а как исполнителя установленного административного порядка и воли своих руководителей.

* * *

Исчерпала ли бюрократическая форма правления с присущей ей шкалой ценностей и приоритетов свои позитивные возможности, насколько вероятна ее реинкарнация, сохраняется ли она на исторической сцене и как долго? Вопросы весьма острые и интенсивно обсуждаемые. Причем межнациональная, международная бюрократия получает в свой адрес отнюдь не меньше критических стрел и вполне заслуженных (см., например, [Пелчинская-Налеич 2017]). Критическое обсуждение бюрократических реалий вышло за рамки академических сфер и правительственных кабинетов, оно выплескивается на площади самых разных городов мира, где тон задают уже не официоз, а граждане. В общем плане вопрос этот выходит за рамки темы статьи.

Лично я не причисляю себя к радикальным “антибюрократам” и не склонен “списывать в расход” бюрократические формы правления и институты как таковые. Более того, я слабо представляю эффективную альтернативу нормальной бюрократии. Но, подчеркиваю – *нормальной*. А конкретный российский случай – дело иное. Представляется очевидным (и далеко не только мне), что у *нас произошло злокачественное перерождение бюрократии*. С позиций веберовского понимания рациональности наша бюрократия *иррациональна*. Ее качество определяют три дефицита – *дефицит интеллекта, дефицит инициативности и дефицит порядочности*. В ее нынешнем состоянии это опасная патология, тяжкие вериги для общества. Она не просто балласт, мешающий полноценному развитию общества, но угроза самой жизни страны. С позиций моего личного весьма умеренного исторического оптимизма очевидна неизбежность ее исторического краха в обозримой перспективе или, как минимум, радикальной трансформации. Но сколько зла она до тех пор еще принесет стране и людям, в ней живущим, предсказать не берусь.

Значительная и все растущая часть общества это понимает. Данные социологических опросов свидетельствуют о весьма низком авторитете большинства государственных институтов. Ю. Левада и Л. Гудков уже достаточно давно сделали эмпирически обоснованный вывод: *наш человек знает, что реальное государство его всегда обманет*. И ведет он себя в соответствии с этим пониманием, постоянно получая все новые его под-

тверждения. А вера в “добротого царя” как последнюю надежду не компенсирует этого отсутствия доверия к государству. Да и на памяти моего поколения в одночасье рухнули казавшиеся незыблемыми заоблачные рейтинги двух наших президентов.

Наша бюрократия – раковая опухоль на теле общества. Однако, продолжая эту метафору, все же выскажу осторожную надежду, что ее еще можно попытаться не “оперировать”, а “облучать и подавлять химиотерапией”. В данном случае это будут реальные (а не симулятивные) институты общественного контроля, гласность, обстоятельный научный анализ. Но одной наукой проблемы не решить. Поэтому закончу фразой Д. Хармса, одного из многих поэтов, убитых советским государством: “Жизнь побеждает смерть неизвестным науке способом”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александр П. Воспоминания. Дневники (1995) СПб.: Пушкинский фонд.
- Арендт Х. (2013) Ответственность и суждение. М.: Изд. Института Гайдара.
- Батищев Г.С. (1969) Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М.: Наука. С. 73–144.
- Гоголь Н.В. (1973) Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература.
- Государственная служба: комплексный подход (2009) М.: Дело.
- Каспэ С.И. (2016) Политическая форма и политическое зло. М.: Школа гражданского просвещения.
- Кордонский С.Г., Дехант Д.К., Моляренко О.А. (2012) Сословные компоненты в социальной структуре современной России // Отечественные записки. № 46 (1). С. 74–91.
- Ленин В.И. Лучше меньше, да лучше // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 383–406.
- Лукьянова Е.А. (2014) О верховенстве права // Труды по руссиейведению. Вып. 5. М.: ИНИОН РАН. С. 303–328.
- Маркс К. (1955) К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 219–368.
- Оболонский А.В. (2013) Право граждан на уличный протест и полиция: опыт США // Вестник Института Кеннана в России. Вып. 24. С. 40–49.
- Пелчинская-Налеич К. (2017) Кризис нормативной системы ЕС. Время менять политику ценностей // Вестник Европы. Т. XLVIII. С. 129–138.
- Уортман Р. (2004) Властители и судьи: развитие правового сознания в императорской России. М.: Новое литературное обозрение.
- Фромм Э. (1990) Иметь или быть. М.: Прогресс.
- Durkheim E. (1964) The Division of Labor in Society. New York: Free Press.
- Guy Peters B. (2018) Comparative Politics and Comparative Policy Studies // Journal of Comparative Policy Analysis: research and practice. Vol. 20. No. 1. Pp. 88–100.
- Van de Walle S., Brans M. (2018) Where Comparative Public Administration and Comparative Policy Studies Meet // Journal of Comparative Policy Analysis: research and practice. Vol. 20. No. 1. Pp. 101–113.

Public official as a social evil (pathologies of the bureaucratic consciousness)

A. *OBOLONSKY**

***Obolonsky Aleksandr** – doctor of sciences (law), professor at the National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20, Myasnitskaya, Moscow, 101000, Russian federation. E-mail: aobolonsky@hse.ru

Abstract

The subject of this paper are fundamental pathologies of bureaucratic consciousness, moral defectiveness of value system, inherent to our bureaucratic corporation. Russian bureaucracy in its current condi-

tion is a real and dangerous political evil. Bureaucratic psychology examines through two “lenses” – personal attitudes and stereotypes of consciousness. The caste segregation, negative selection of personnel, ignoring of own work’s social meaning, false substitution of common interests by group and egoistic ones, treating of hierarchy as a basic value, excessive orientation to stability are described as the former ones. Among stereotypes the functionary consciousness, corporative ethic, preserving conservative ways of behavior, wrong personalization of their official duties are considered. The analysis illustrates by extensive citations from classical literary, scientific and memoir sources. The author suggests that malignant degeneration of “normal” bureaucracy into pathological form took place in Russia. Whether is still possible a therapeutic treatment of it, without of radical measures, is the open question.

Keywords: bureaucracy, official, consciousness, psychology, corporativity.

REFERENCES

- Aleksandr II. Vospominaniya. Dnevnik* (1995) [Alexander II. Memories. Diaries]. St. Petersburg: Pushkinskiy fond.
- Arendt H. (2013) *Otvetstvennost i suzhdenie* [Responsibility and judgment]. Moscow: Izd. Instituta Gaydara.
- Batishchev G.S. (1969) Deyatelnostnaya suschnost cheloveka kak filosofskiy princip [The activity essence of man as a philosophical principle]. *Problema cheloveka v sovremennoy filosofii*. Moscow: Nauka, pp. 73–144.
- Durkheim E. (1964) *The Division of Labor in Society*. New York: Free Press.
- Fromm E. (1990) *Imet ili bit* [To have or to be]. Moscow: Progress.
- Gogol’ N.V. (1973) *Sochineniya v 2 t. T. 2* [Works in two volumes. Vol. 2]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura.
- Gosudarstvennaya sluzhba: kompleksniy podhod* (2009) [Public service: an integrated approach]. Moscow: Delo.
- Guy Peters B. (2018) Comparative Politics and Comparative Policy Studies. *Journal of Comparative Policy Analysis: research and practice*, vol. 20, no. 1, pp. 88–100.
- Kaspe S.I. (2016) *Politicheskaya forma i politicheskoe zlo* [Political form and political evil]. Moscow: Shkola grazhdanskogo prosveshcheniya.
- Kordonskiy S.G., Dehant D.K., Molyarenko O.A. (2012) Soslovniiye komponenti v socialnoy strukture sovremennoy Rossii [Class components in the social structure of modern Russia]. *Otechestvennye zapiski*, no. 46 (1), pp. 74–91.
- Lenin V.I. Luchshe menshe, da luchshe [Better less la better]. Lenin V.I. *Poln. sobr. soch. T. 45*. [Complete Works. Vol. 45], pp. 383–406.
- Lukyanova E.A. (2014) O verhovenstve prava [On the Rule of Law]. *Trudi po rossievedeniyu*, vyp. 5 [Proceedings on Russian Studies. Issue 5] Moscow: INION RAN, pp. 303–328.
- Marx K. (1955) K kritike gegelevskoy filosofii prava [To the criticism of the Hegelian philosophy of law]. Marx K., Engels F. *Soch., t. 1* [Works, vol. 1], pp. 219–368.
- Obolonskiy A.V. (2013) Pravo grazhdan na ulichniy protest i policiya: opit SSHA [The right of citizens to street protest and the police: the US experience]. *Vestnik Instituta Kennana v Rossii*, vyp. 24, pp. 40–49.
- Pelchinskaya-Naleich K. (2017) Krizis normativnoy sistemi ES. Vremya menyat politiku cennostey [The crisis of the EU regulatory system. Time to change the policy of values]. *Vestnik Evropy*. T. HLVIII, pp. 129–138.
- Van de Walle S., Brans M. (2018) Where Comparative Public Administration and Comparative Policy Studies Meet. *Journal of Comparative Policy Analysis: research and practice*, vol. 20, no. 1, pp. 101–113.
- Wortman R. (2004) *Vlastiteli i sudi: razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoy Rossii* [The rulers and judges: the development of legal consciousness in imperial Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.